

©

Ефремова К.А.
МГИМО МИД РФ

ГОСУДАРСТВА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПОИСКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), отметившая в августе 2017 г. свой пятидесятилетний юбилей, является классическим примером успешной региональной интеграции. Успех этот в немалой степени обусловлен такими факторами как установление взаимного доверия между странами региона и постепенное складывание общерегиональной идентичности, являющейся признаком сформированности зрелого регионального комплекса¹. Традиционно принято считать, что региональный комплекс возникает там, где имеет место некая региональная общность (этническая, языковая, культурно-цивилизационная, историческая, политическая и т. д.), которая способствует появлению общерегиональной идентичности и служит катализатором развития региональных интеграционных процессов. Однако в случае АСЕАН мы наблюдаем прямо противоположную картину: никакой региональной общности в ЮВА самостоятельно сложиться не могло, поскольку в силу крайней разнородности стран региона, предпосылки для их стихийного объединения практически отсутствовали².

Начнём с того, что население Юго-Восточной Азии принадлежит к четырём различным языковым семьям (сино-тибетской, тайско-кадайской, мон-кхмерской, малайско-полинезийской) и делится на сотни небольших этнолингвистических групп. В силу сложного рельефа местности (горы Индокитайского полуострова и 25 тыс. островов Малайского архипелага) эти этнолингвистические группы проживают в фактической изоляции друг от друга, что способствует консервации их диалектов, устоев и традиций. На территории ЮВА представлены три мировые религии: буддизм (причём сразу двух направлений — тхеравадинский и махаянский), христианство и ислам. Кроме того, подавляющее большинство населения региона исповедует традиционные анимистические верования. В таких условиях формирование национального самосознания, не

говоря уже об общерегиональной идентичности, крайне затруднено.

Историческое прошлое также не является для стран региона существенным объединяющим фактором. Государства ЮВА были колонизированы пятью европейскими державами, которые проводили принципиально разную политику в отношении зависимых территорий. Великобритания добровольно отпустила свои колонии, по возможности подготовив их к независимости (модель «цивилизованного развода»). Франция и Нидерланды не были готовы предоставить свободу своим колониям и протекторатам, что привело к кровопролитным войнам за независимость в Восточном Индокитае и Индонезии. Испания и Португалия лишились своих колоний в результате их военного захвата третьими странами (Филиппины были оккупированы США, а Восточный Тимор — Индонезией). Таиланд, умело лавировавший между европейскими колониальными державами, никогда формально не терял суверенитета. Таким образом, общее колониальное прошлое также не может служить базисом для выработки общерегионального самосознания.

После деколонизации страны ЮВА выбрали разные пути социально-экономического развития: одни государства начали строить социализм, другие — капитализм. В настоящее время в регионе представлены практически все возможные формы государственного устройства: султанат Бруней-Даруссалам, выборная монархия Малайзия, наследственные монархии Таиланд и Камбоджа, однопартийные социалистические республики Вьетнам и Лаос, парламентские республики Сингапур и Мьянма (в недавнем прошлом — военная диктатура), президентские республики Индонезия и Филиппины, полупрезидентская республика Тимор-Лешти. Государства ЮВА значительно различаются по размеру территории и численности населения, а также по размеру ВВП и доходу на душу населения: достаточно сравнить огромную Индонезию и крошечный Сингапур, богатый Бруней-Даруссалам и группу «наименее развитых стран» Индокитая (Камбоджа, Лаос, Мьянма). Все эти различия затрудняют выработку общего регионального самосознания.

Что же тогда послужило предпосылкой для успешного развития интеграционных процессов в регионе, если не этнолингвистические, культурно-исторические, политические и экономические факторы? Складывается впечатление, что таких очевидных предпосылок, лежащих на поверхности, практически не было. Парадокс процессов региональной интеграции в ЮВА заключается в том, что они развивались не благодаря наличию соответствующих предпосылок, а, скорее, вопреки их отсутствию. Таким образом, региональная идентичность в ЮВА не складывалась естественным путём, на основе уже имеющейся интеграционной базы, а искусственно создавалась «сверху», несмотря на фактическое отсутствие зрелой региональной общности и параллельно с её формированием. В данном случае, общерегиональная идентичность была сознательно сконструирована отцами-основателями АСЕАН, перешагнувшими через этнические, конфессиональные и политические барьеры ради процветания народов своего региона.

Как же государствам ЮВА удалось преодолеть взаимное недоверие и разногласия, чтобы, в конечном счёте, выработать чувство общей региональной идентичности? И на чём основывается эта региональная идентичность? Чтобы ответить на данные вопросы, необходимо рассмотреть идеологические основания «проекта АСЕАН» и их практическое воплощение в виде конкретных интеграционных инициатив. В частности, особый интерес здесь представляет концепция «азиатских ценностей», отражающая мировоззрение юговостоазиатских элит. По нашему мнению, именно она послужила мощным объединяющим фактором, способствовавшим формированию особого асеановского самосознания, — хотя, безусловно, без наличия глубинных, цивилизационных предпосылок такое объединение просто бы не состоялось. Ниже мы проанализируем концепцию «азиатских ценностей» и дадим оценку тому, как она повлияла на становление Сообщества АСЕАН.

Идеологическое основание: «азиатские ценности»

Концепция «азиатских ценностей», впервые сформулированная премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю в середине 60-х годов прошлого века, является одной из наиболее дебаты-

руемых идеологом. Пик дискуссии об «азиатских ценностях» пришёлся на 90-е годы, когда распад мирового социалистического лагеря, а затем и Советского Союза вызвал эйфорию в кругу западных либералов, уверенно предвкусивших «конец истории» (термин Френсиса Фукуямы³). Тем несвоевременнее прозвучало напоминание о том, что возможна и другая альтернатива западным ценностям — альтернатива, исходящая от бывших европейских колоний, осмелившихся неожиданно проявить самостоятельность в столь щепетильном вопросе. Неудивительно, что «азиатские ценности» были немедленно подвергнуты критике как противоречащие универсальным правам и свободам человека в их либеральном понимании. Некоторые критики зашли так далеко, что усомнились в существовании предмета дискуссии как такового: по их мнению, весь разговор об «азиатских ценностях» был затеян азиатами лишь для того, чтобы оправдать существование своих авторитарных (читай — «нелиберальных») режимов.

Концепция «азиатских ценностей» встретила немало оппонентов и среди вестернизированной элиты самих азиатских стран: в частности, против неё выступали первый всенародно избранный президент Тайваня Ли Дэнхуэй, будущий президент Республики Кореи и нобелевский лауреат Ким Дэ Чжун, индийский экономист и нобелевский лауреат Амартья Сен и многие другие известные политики и интеллектуалы. Они поставили под сомнение идею о том, что европейские по своему происхождению ценности и нормы социального общежития не соответствуют азиатскому менталитету, приводя в качестве контрпримеров Индию, Японию, Тайвань и Южную Корею, где, по их мнению, вполне успешно укоренились принципы либеральной демократии. Азиатский финансовый кризис 1997-1998 годов, сопровождавшийся серьёзными политическими потрясениями в ряде государств региона (в частности, падением режима Сухарто в Индонезии), стал для многих противников «азиатских ценностей» убедительным доказательством того, что данная концепция себя не оправдала.

Тем не менее, несмотря на критическую аргументацию своих оппонентов, сторонники данной концепции (среди которых также было немало известных фигур — таких, например,

как Го Чок Тонг, Кишор Махбубани и Билахари Каусикан) продолжают настаивать на её значимости, по крайней мере, для стран Юго-Восточной Азии. Они подчёркивают важность национальных и региональных особенностей, а также исторических, культурных и религиозных традиций, которые обуславливают различия в трактовке базовых принципов, определяющих взаимоотношения государства, общества и индивида в каждом отдельно взятом уголке земного шара. Это положение было зафиксировано в заключительной декларации Регионального совещания для Азии в рамках Всемирной конференции по правам человека, состоявшегося в 1993 г. в Бангкоке. Кроме того, в декларации признавалась «необходимость избегать применения двойных стандартов при осуществлении прав человека и политизации этого вопроса», а также указывалось на то, что «продвижение прав человека следует поощрять путем сотрудничества и консенсуса, а не путем конфронтации и навязывания чуждых ценностей»⁴.

Данные представления, основанные на логике культурного релятивизма, категорически расходятся с либеральным пониманием прав и свобод человека, пропагандируемым западными странами. Западные политики и активисты в большинстве своём полагают, что задача демократизации авторитарных режимов (частью которой выступает продвижение правочеловеческой проблематики) является абсолютным приоритетом их внешней политики. Они стремятся создать идеальный мир, в котором «демократии не воюют друг с другом»⁵. Однако нельзя не признать, что у концепции «азиатских ценностей» есть своё рациональное зерно, которое заключается в понимании относительности человеческого опыта и невозможности искусственного насаждения чужеродных норм и институтов на непригодную для этого почву. Попытки социальной инженерии, неоднократно предпринимавшиеся великими державами в XX веке, убедительно доказали пагубность такого подхода. В этом смысле концепция «азиатских ценностей», будучи консервативной по своей природе, призвана уберечь восточные общества от эксцессов тотальной вестернизации.

Каково же содержание концепции «азиатских ценностей»? Постоянный представитель Сингапура при ООН Томми Ко сформулировал её суть в десяти пунктах:

1. Отрицание крайних форм индивидуализма, популярных на Западе. Каждый индивид является частью семьи, клана, землячества, общины, нации и государства. В своих мыслях и поступках он должен учитывать коллективные интересы семьи и общества.

2. Признание ценности семьи. Семья является краеугольным камнем общества, поэтому граждане должны избегать разводов и заботиться о своих престарелых родителях.

3. Признание ценности образования. Забота об образовании своих детей является частью родительского долга, независимо от социальной страты, к которой принадлежит семья.

4. Стремление к накоплению и бережливость. Умение жить по средствам противопоставляется западной склонности к расточительству и массовому потреблению, в том числе в кредит.

5. Трудолюбие. Считается главной причиной того, что Восточная Азия демонстрирует более высокие темпы роста, чем Европа.

6. Работа в команде, в том числе в национальном масштабе. Профсоюзы и работодатели рассматривают друг друга не как классовых врагов, а как партнёров, работающих вместе с государством на благо нации.

7. Общественный договор. Правительство поддерживает законность и правопорядок, обеспечивая базовые потребности граждан в работе, жилье, образовании и здравоохранении, а также берёт на себя обязательство относиться к гражданам справедливо и гуманно. В ответ граждане должны быть законопослушными, демонстрировать уважение к властям, проявлять трудолюбие, бережливость и мотивировать своих детей учиться и быть самодостаточными.

8. Совместная заинтересованность граждан и государства в развитии и процветании страны. Результатом её является построение коммунитаристского общества (communitarian society).

9. Делегирование государству полномочий по поддержанию общественной морали и созданию благоприятной среды для развития детей. Право на свободу слова заканчивается там, где начинается порнография, непристойность, грубый язык и поведение, а также нападки на религию.

10. Ограничения на свободу прессы. Средства массовой информации должны действовать ответственно, не разжигая межрасовые, межрелигиозные или межэтнические противоречия, а также не провоцируя межгосударственные конфликты. Каждому, кто попал под огонь их критики, должна быть предоставлена возможность ответить на неё⁶.

Некоторые авторы (например, Гарри Родан) полагают, что в «азиатских ценностях» нет ничего сугубо азиатского: по сути, они отражают мировоззрение консервативных кругов любого общества⁷. В какой-то степени, с ними можно согласиться. Действительно, среди представителей юговосточноазиатской элиты есть и свои консерваторы, пропагандирующие «азиатские ценности», и свои либералы, ориентирующиеся на Запад. Однако свести суть дискуссии об «азиатских ценностях» к простому спору прогрессистов и ретроградов было бы недопустимым упрощением. Важно понимать, что официальные заявления об «особом» азиатском менталитете, отличном от менталитета европейцев, американцев или австралийцев, звучат в ответ на осуждающую риторику со стороны западных стран, использующих правочеловеческую проблематику как средство давления на неугодные им режимы.

В этом смысле концепция «азиатских ценностей» представляет собой не просто консервативный манифест, рассчитанный на то, чтобы привлечь местного избирателя, а действенный внешнеполитический инструмент, призванный оградить государства ЮВА от нежелательного вмешательства внерегиональных держав в их внутренние дела. На наш взгляд, концепцию «азиатских ценностей» следует рассматривать как практическое воплощение идеологии национальной и региональной стойкости (*national and regional resilience*), являющейся краеугольным камнем политической философии АСЕАН. Эта идеология, нашедшая своё отражение в Балийской декларации согласия (1976)⁸, подчёркивает необходимость поддержания

внутриполитической стабильности и устойчивого развития отдельных государств ЮВА («национальная стойкость»), что, в свою очередь, благоприятно отражается на ситуации во всём регионе, способствуя укреплению международных позиций АСЕАН как единого целого («региональная стойкость»).

В юговосточноазиатских политических кругах «азиатские ценности» по-прежнему воспринимаются в качестве нормативного базиса, лежащего в основе построения демократического общества; при этом понятие демократии в региональном общественно-политическом дискурсе отнюдь не всегда равносильно понятию «либеральной демократии». Речь, как правило, идёт о демократии без вестернизации, скроенной по своим национальным лекалам. Юговосточноазиатская демократия («конфуцианская» в Сингапуре, «народная» во Вьетнаме и Лаосе, «дисциплинированная» в Мьянме и т.д.) подразумевает единство коммунитаристского общества (*communitarian society*) и сильного, ответственного государства, осуществляющего надлежащее управление (*good governance*) этим обществом — идеал, описанный Ли Куан Ю и Махатхиром Мохамадом в их трудах и выступлениях⁹. Насколько странам ЮВА удалось приблизиться к этому идеалу — отдельный вопрос, однако важно понимать, что сама перспективная модель их национального строительства принципиально отличается от той, что предлагают США и Европа. И это порождает взаимное непонимание и даже некоторую напряжённость в отношениях.

Многие исследователи (Д. В. Мосяков¹⁰, М. Барр¹¹ и др.) полагают, что в основе юговосточноазиатской региональной идентичности лежат традиционные ценности, разделяемые всеми странами региона. Представляется, что эти ценности основываются не столько на конфуцианской традиции (как считает, например, К. В. Асмолов¹²), сколько на более глубоком пласте традиционных представлений о мире, свойственных народам Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, что и позволяет использовать для их обозначения термин «азиатские ценности». Это идеология, которая объединяет представителей различных народов и конфессий, сплачивая их перед лицом навязываемой им Западом вестернизации. Впрочем, в диалоге с западными партнёрами эти ценности обычно не афишируются;

тем не менее, их производные — безусловное уважение национального суверенитета, невмешательство во внутренние дела других стран (в том числе, под предлогом защиты прав человека), неформальная дипломатия, принятие решений методом консенсуса и т.д. — фигурируют в многочисленных асеановских декларациях, а также в учредительных документах международных структур, созданных при участии АСЕАН (таких как Региональный форум АСЕАН, Восточноазиатско-латиноамериканский форум, Диалог по сотрудничеству в Азии и др.). Именно «азиатские ценности» представляют собой ту идеологическую платформу, на которой строится Сообщество АСЕАН.

Практическое воплощение: Сообщество АСЕАН

Сообщество АСЕАН включает в себя три опоры: сотрудничество в сфере политики и безопасности, экономическое сотрудничество и социокультурное сотрудничество. Соглашение об учреждении Сообщества АСЕАН, вступившее в силу 31 декабря 2015 г.¹³, является закономерным итогом многолетнего развития региональных интеграционных процессов. Оно позволяет взглянуть на АСЕАН с трёх разных ракурсов, рассматривая её как международно-политический регион, как экономическое объединение или же, как социокультурную общность. При этом, в основании Сообщества лежат всё те же «азиатские ценности», содействующие формированию региональной идентичности, о которых уже шла речь выше: это этатизм, патернализм, коммунитаризм, коллективизм, невмешательство во внутренние дела друг друга, нерушимость суверенитета и т. д. Учитывая эти факторы, становится понятно, почему Сообщество АСЕАН представляет собой не наднациональную структуру, созданную по образу и подобию Европейского Союза, а региональный межгосударственный проект, основанный на взаимном согласии и не ущемляющий суверенные права реализующих его государств.

Рассмотрим каждую из трёх опор Сообщества АСЕАН по отдельности.

Сообщество политики и безопасности. Если анализировать проект развития Сообщества политики и безопасности до

2025 г., являющийся составной частью программного документа под названием «АСЕАН 2025: создавая вместе»¹⁴, то становится очевидно, что оно рассматривается не просто как сумма территорий национальных государств, подлежащая коллективной обороне, а как некая единая региональная общность, обладающая собственной субъектностью и, следовательно, особой региональной идентичностью. При этом речь не идёт о создании наднациональных институтов по образцу европейских: принцип неукоснительного соблюдения национального суверенитета стран-участниц Сообщества не ставится его творцами под сомнение. В качестве инструмента укрепления сотрудничества они предлагают расширить координирующие функции Секретариата АСЕАН, однако ответственность за реализацию достигнутых соглашений по-прежнему возлагается на сами государства-члены Сообщества. Это означает, что каждая страна создаёт национальные структуры, напрямую взаимодействующие с Секретариатом АСЕАН, и сама контролирует их деятельность.

Практическим инструментом воплощения в жизнь проекта Сообщества политики и безопасности АСЕАН является обязательство его членов воздерживаться от каких-либо действий, угрожающих суверенитету, территориальной целостности или политической и экономической стабильности друг друга (включая предоставление своей территории для совершения таких действий третьими сторонами). В случае возникновения подобных угроз государства АСЕАН находят коллективное решение путём взаимных консультаций по линии министерств иностранных дел и министерств обороны. На ежегодных встречах министров обороны, проводящихся с 2006 г., обсуждаются проблемы укрепления мира и стабильности в регионе, а также координации усилий по борьбе с последствиями стихийных бедствий и гуманитарному содействию пострадавшему населению. Кроме того, между странами АСЕАН развивается сотрудничество в сферах осуществления миротворческих операций, быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации и оборонного строительства, борьбы с трансграничными угрозами региональной безопасности (включая наркобизнес и нелегальную миграцию), а также рассматривается вопрос о введении едино-

го визового пространства. Очевидно, что все эти меры возможны лишь при условии установления прочного взаимного доверия между странами региона, рассматривающими друг друга как единое целое.

Экономическое сообщество. Если руководствоваться классической схемой американского экономиста Белы Балаши, выделяющего пять стадий региональной экономической интеграции¹⁵, то следует признать, что АСЕАН находится сейчас на самой первой стадии — стадии создания зоны свободной торговли. В этом смысле она значительно «отстаёт» от ЕС (если предположить, что Экономическое сообщество АСЕАН будет развиваться в том же направлении). И этому есть свои причины. Изначально экономическая интеграция между государствами — членами АСЕАН осуществлялась в основном управленческими методами в силу того, что основания для естественного развития внутрирегиональной торговли на тот момент практически отсутствовали. Постколониальные страны ЮВА обладали однотипными слаборазвитыми экономиками со схожей структурой экспорта, преимущественно ориентированной на внерегиональные рынки. Соответственно, решение лидеров АСЕАН о стимулировании регионального экономического сотрудничества, принятое в конце 1960-х — начале 1970-х годов, было, по сути, политически мотивированным и потребовало принятия активных политических мер для своей успешной реализации.

В 1992 г. страны асеановской «шестёрки» приняли решение об образовании внутриасеановской Зоны свободной торговли (АФТА), к которой впоследствии подключились новые члены АСЕАН — Вьетнам, Лаос, Камбоджа и Мьянма. В проекте развития Экономического сообщества АСЕАН до 2025 г. упоминаются такие инструменты совершенствования АФТА, как Асеановское соглашение о торговле товарами (АТІГА), Асеановское рамочное соглашение по услугам (АFAS) и Асеановское соглашение о передвижении физических лиц (ААМNP), призванные обеспечить свободное передвижение товаров, услуг и рабочей силы в пределах региона. Особое внимание асеановские лидеры уделяют привлечению иностранных инвестиций и формированию зон свободной торговли

со своими ведущими партнёрами — Китаем, Индией, Японией, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией. Все эти зоны предполагается объединить в рамках Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП), проект которого находится сейчас в стадии согласования. Нет нужды говорить о том, что в основе этих соглашений лежит представление об АСЕАН как о едином экономическом субъекте, играющем центральную роль в процессах макрорегиональной экономической интеграции.

Социокультурное сообщество. Картина формирования Сообщества АСЕАН будет неполной, если не рассмотреть его культурную и социальную составляющие. Значимость такого фактора, как наличие коллективного самосознания и общей региональной идентичности, в процессе становления региональных интеграционных группировок не вызывает сомнения. Одними из первых её обосновали члены специального комитета отделения геологии и географии Национального исследовательского совета США под председательством Деруэнта Уитлси в своём докладе, изданном в 1952 г. Как отмечали Д. Уитлси и его коллеги, «там, где оно существует, региональное самосознание укрепляет солидарность людей внутри региона, способствуя тем самым его стабильности. Регион, четко осознающий себя, с большой вероятностью будет восприниматься своими обитателями и сторонними наблюдателями как нечто, обладающее независимым существованием»¹⁶. Соответственно, в задачи построения Социокультурного сообщества АСЕАН входит, в первую очередь, формирование общерегионального самосознания, которое как бы «надстраивается» над самосознанием национальным, но при этом не вытесняет последнего.

Согласно уже упоминавшейся программе «АСЕАН 2025: создавая вместе», Социокультурное сообщество АСЕАН характеризуется такими понятиями как «инклюзивное» (inclusive), «устойчивое» (sustainable), «стойкое» (resilient) и «динамичное» (dynamic). Ключевым принципом, лежащим в его основе, названо «надлежащее управление» (good governance) — краеугольный камень, на котором выстроена вся система «азиатских ценностей». В качестве инструмента формирования особой асеановской идентичности выступает, прежде всего, обра-

зование: разработчики программы рекомендуют вводить в учебных заведениях стран региона такой предмет как «асеановедение», информировать широкую общественность о сущности идеологии, заложенной в Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (1976), повышать уровень осведомлённости граждан об АСЕАН и её интеграционных инициативах. В числе других эффективных инструментов выработки регионального самосознания названы межличностные контакты на всех уровнях и во всех сферах, включая культуру, спорт, волонтерство и непосредственный обмен опытом. Кроме того, в документе отмечается, что АСЕАН, как единое целое, должна выступать с общей согласованной позицией на международных форумах и иных переговорных площадках.

* * *

Таким образом, мы видим, что в основе всех трёх компонентов Сообщества АСЕАН лежит концепция региона Юго-Восточной Азии как единого целого, интересы которого представляют созданные асеановцами политические, экономические и социальные структуры. При этом процесс формирования Сообщества АСЕАН — «политически сплочённого, экономически интегрированного и социально ответственного»¹⁷ — имплицитно (а порой и эксплицитно) отражает те самые «азиатские ценности», на которых строится вся современная асеановская идеология. Эти ценности заложены в основополагающие документы АСЕАН — Бангкокскую декларацию (1967), Балийскую декларацию согласия и её производные (1976, 2003, 2011), Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (1976), Хартию АСЕАН (2007). Результатом воплощения в жизнь этих ценностей является постепенное складывание особой асеановской идентичности.

Подводя итоги, ещё раз подчеркнём, что общерегиональное самосознание и общерегиональная идентичность, свойственные государствам-членам АСЕАН, не возникли сами по себе, стихийно, в ходе исторической эволюции, а напротив, сознательно и кропотливо вырабатывались правящими элитами стран региона с целью укрепления «национальной и региональной стойкости». Само понятие «стойкости» (resilience)

означает способность асеановцев противостоять внутрирегиональным и внерегиональным угрозам, их неподатливость любому внешнему воздействию — в том числе, идеологическому. Несмотря на то, что концепция «азиатских ценностей» неоднократно критиковалась и развенчивалась её противниками, она по-прежнему лежит в основе мировоззрения асеановских лидеров, объединяя такие не похожие друг на друга страны Юго-Восточной Азии. Именно ей, в конечном счёте, АСЕАН обязана своим историческим успехом.

¹ Подробнее о региональных комплексах см.: Ефремова К.А. Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса / К.А. Ефремова // Сравнительная политика. — 2019 (в печати).

² Альтернативную точку зрения высказывает Д. В. Мосяков, указывая на то, что в регионе Юго-Восточной Азии исторически сформировалась цивилизационная общность, которую объединяют такие факторы как основанное на ирригации рисоводческое хозяйство, сильная крестьянская община и общие традиции, обычаи, архетипы сознания, особенно культ предков. См. Мосяков Д.В. Юго-Восточная Азия: формирование цивилизационной общности? / Мосяков Д. В. // Восток (Oriens). — 2008. — № 2. — С. 6.

³ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3. — С. 84–118.

⁴ Заключительная декларация регионального совещания для Азии в рамках Всемирной конференции по правам человека (Бангкок, 2 апреля 1993). [Электронный ресурс]. Опубликована на официальном сайте ООН. — Режим доступа: <http://undocs.org/ru/A/CONF.157/PC/59>

⁵ Критический анализ теории «демократического мира» см. в работе: Цыганков А. Кризис идеи «демократического мира» / Цыганков А., Цыганков П. // Международные процессы. — 2005. — Т. 3, № 3. — С. 33–44.

⁶ Koh T.T.B. The 10 Values That Undergird East Asian Strength and Success / Koh T.T.B. // The New York Times. — N.Y., December 11, 1993. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nytimes.com/1993/12/11/opinion/IHT-the-10-values-that-undergird-east-asian-strength-and-success.html>

⁷ Rodan G. The internationalization of ideological conflict: Asia's new significance / Garry Rodan // Pacific Review. — 1996. — Vol. 9, № 3. — P. 340–341.

- ⁸ Declaration of ASEAN Concord (Bali Concord), Denpasar, 24 February 1976 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asean.org/1649.htm>.
- ⁹ См. Barr M.D. Cultural politics and Asian values: The tepid war. / Barr M.D. — L.-N.Y.: Routledge, 2002. — P. 30–45.
- ¹⁰ Мосяков Д.В. Юго-Восточная Азия..., с. 10.
- ¹¹ Barr M.D. Cultural politics and Asian values..., p. 27.
- ¹² Асмолов К. Азиатские ценности как дорога к прогрессу / К. Асмолов // Россия в глобальной политике. — 2017. — Т. 15, №2. — С. 190–207.
- ¹³ Kuala Lumpur Declaration on the Establishment of the ASEAN Community. — Kuala Lumpur, 22 November 2015. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/KL-Declartion/KL%20Declaration%20on%20Establishment%20of%20ASEAN%20Community%202015.pdf>
- ¹⁴ ASEAN 2025: Forging Ahead Together. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2015. 125 p.
- ¹⁵ Balassa B. The Theory of Economic Integration. / Bela Balassa. — 3rd ed. — L.: George Allen & Unwin, 1969. — P. 2.
- ¹⁶ Whittlesey D. Regional Study with Special Reference to Geography. / D. Whittlesey, P. E. James, J. Malin, C. F. Jones, H. H. McCarty, S. B. Jones, R. S. Platt, L. E. Klimm, Kirk Stone, J. R. Whitaker. — Washington, D.C.: Division of Geology and Geography, National Research Council, National Academy of Sciences, 1952. — P. 48.
- ¹⁷ The ASEAN Charter. — Jakarta: ASEAN Secretariat, 2007. — P. 2.